

Научная статья

УДК 93/94+930

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-9-25

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Бруз В. В.¹, Жиряков И. Г.¹, Золотарёв В. А.¹, Лескова И. В.¹, Литвинов В. П.²,
Литвинов П. П.², Реснянский С. И.¹, Семченко А. А.¹, Фукс А. Н.¹, Яровой Е. В.¹**

¹ Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

² Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

г. Елец, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: vvb54@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.11.2025

После доработки 18.11.2025

Принята к публикации 24.11.2025

Аннотация

Цель. Статья посвящена анализу методологических, дидактических и идеологических вызовов, связанных с изучением и преподаванием истории Второй мировой войны в современном информационно-политическом контексте. Особое внимание уделяется проблемам сохранения исторической правды, противостоянию фальсификациям, а также роли образования в формировании национальной памяти и идентичности.

Процедуры и методы. Исследование основано на сравнительно-историческом и дискурсивном анализе, а также на изучении отечественных и зарубежных учебных материалов, научных публикаций и публичных высказываний. Авторы применяют междисциплинарный подход, сочетающий историографический анализ, политологическую экспертизу и педагогическую оценку.

Результаты. Выявлены ключевые вызовы, с которыми сталкиваются историческая наука и образование: методологический кризис в условиях информационной войны, политизация языка истории, этические сложности преподавания в контексте актуальных политических нарративов, необходимость обновления дидактических подходов. На примере отражения Сталинградской битвы в учебниках показаны различия в национальных исторических политиках. Проанализирована западная либеральная концепция Второй мировой войны, направленная на пересмотр роли СССР и приравнение советского режима к нацистскому.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в развитие методологии исторических исследований в цифровую эпоху, предлагает пути модернизации исторического образования и подготовки педагогов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке учебных программ, создании научно-популярного контента и выработке стратегий защиты исторической памяти в условиях гибридных угроз.

Ключевые слова: история Второй мировой войны, историография Второй мировой войны, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, историческая память

Для цитирования:

Вторая мировая война в пространстве актуальной политики и исторической памяти: к 80-летию победы советского союза (Круглый стол) / В. В. Бруз, И. Г. Жиряков, В. А. Золотарёв, И. В. Лескова, В. П. Литвинов, П. П. Литвинов, С. И. Реснянский, А. А. Семченко, А. Н. Фукс, Е. В. Яровой // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 9–25.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-9-25

Original research article

WORLD WAR II IN THE SPACE OF ACTUAL POLITICS AND HISTORICAL MEMORY: TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OF THE SOVIET UNION (ROUND TABLE)

V. Bruz¹, I. Zhiryakov¹, V. Zolotarev¹, V. Kovrigin¹, I. Leskova¹, V. Litvinov², P. Litvinov², S. Resnyansky¹, A. Semchenko¹, A. Fuks¹, E. Yarovoy¹

¹ *Federal State University of Education*

Moscow, Russian Federation

² *Yelets State University named after I. A. Bunin*

Yelets, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: vvb54@yandex.ru*

Received 10.11.2025

Revised 18.11.2025

Accepted 24.11.2025

Abstract

Aim. The article is devoted to the analysis of methodological, didactic and ideological challenges associated with the study and teaching of the history of the Second World War in the modern information and political context. Special attention is paid to the problems of preserving historical truth, countering falsifications, as well as the role of education in shaping national memory and identity.

Methodology. The research is based on comparative historical and discursive analysis, as well as on the study of domestic and foreign educational materials, scientific publications and public statements. The authors apply an interdisciplinary approach combining historiographical analysis, political science expertise and pedagogical assessment.

Results. The key challenges faced by historical science and education have been identified: the methodological crisis in the context of information warfare, the politicization of historical language, ethical difficulties in teaching in the current political narrative, and the need to update pedagogical approaches. Using the Battle of Stalingrad as an example, differences in national historical narratives are shown. This article analyzes Western liberal interpretations of the Second World War, aiming to revise the role of the USSR and equate the Soviet regime with Nazi Germany.

Research implication. This work contributes to the development of historical research methods in the digital era and suggests ways to modernize history education and teacher training. The findings can be applied to educational programs, popular science content creation, and strategies for protecting historical memory against hybrid threats.

Keywords: history of World War II, historiography of the World War II, Great Patriotic War, World War II, historical memory

For citation:

Bruz, V. V., Zhiryakov, I. G., Zolotarev, V. A., Leskova, I. V., Litvinov, V. P., Litvinov, P. P., Resnyansky, S. I., Semchenko, A. A., Fuchs, A. N., Yarovoy, E. V. (2025). World War II in the space of actual politics and historical memory: to the 80th anniversary of the Victory of the Soviet Union (Round Table). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 9–25. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-9-25

Лескова И. В.

**ИСТОРИЯ ПОД ПРЕССОМ ГИБРИДНЫХ
УГРОЗ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И
ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В 2025 г. мы отметили 80-летие Великой Победы, и это событие ставит перед нами – исследователями и педагогами – ряд сложных методологических вопросов. В центре нашего внимания – вызовы, с которыми сталкивается историческая наука и историческое образование в условиях, когда прошлое стало полем ожесточённого информационного противостояния. Речь идёт о защите самой возможности адекватного познания в эпоху, когда факты подвергаются сомнению, а язык описания войны становится оружием в новой, гибридной реальности.

Первый и, пожалуй, самый острый вызов – методологический кризис, порождённый информационной войной. Классические методы исторического исследования, основанные на критике источника, верификации фактов и построении причинно-следственных связей, сегодня сталкиваются с беспрецедентным давлением. Мы наблюдаем явление, которое можно обозначить как «война архивов» или «конкурирующая документированность». Противоборствующие стороны в современных конфликтах не ограничиваются производством событий, а мгновенно создают их параллельные документальные отражения: заявления, фото-, видеоматериалы, отчёты неправительственных организаций, часто противоречащие друг другу. Историк, стремящийся изучать события даже недавнего прошлого, оказывается не в архиве, а в медийном потоке, где подлин-

ность и контекст намеренно размыты. Это ставит под вопрос саму возможность беспристрастного анализа и требует разработки новой методологии для работы с цифровыми источниками, которые, будучи нередко созданы как оружие смысловой войны, становятся доминирующим, а порой и единственно доступным свидетельством современных конфликтов.

Второй, тесно связанный с первым, вызов – трансформация самого языка исторической науки под воздействием политизированных медианарративов. Возьмём для примера 2 понятия: «тактика выжженной земли вермахта» и «экоцид»: первое – это строгий, устоявшийся в науке термин, описывающий конкретную преступную доктрину нацизма; второе – понятие с нечётким правовым статусом, активно используемое сегодня как инструмент информационной атаки.

Когда в публичное пространство массово вбрасываются подобные политизированные термины, они начинают оказывать давление и на академический дискурс. Перед исследователем и, что особенно важно, перед преподавателем встаёт дилемма: игнорировать эти вненаучные понятия или пытаться их анализировать, рискуя придать им научный статус. Роль преподавателя истории сегодня существенно усложняется. Его задача – вооружить студентов методологией для критического анализа политизированного языка: различать научное понятие и пропагандистский штамп, понимать, в каких случаях термин служит инструментом познания, а в каких – инструментом манипуляции.

Третий вызов лежит в этической плоскости и связан с преподаванием истории в условиях, когда историческая

память становится оружием в актуальном информационном противоборстве. Как обсуждать события Второй мировой войны, зная, что её ключевые концепты («фашизм», «денацификация», «освободительная миссия») и символы (например, георгиевская ленточка или образ ветерана) прямо задействованы в риторике современных конфликтов? Как говорить о жертвах и героях прошлого, не допуская, чтобы их образы использовались для сиюминутного политического оправдания? Классическая модель преподавания, основанная на временной дистанции и кажущейся ретроспективной завершённости событий, сегодня даёт сбой. Студенты воспринимают историю не как замкнутый прошлый опыт, а как прямую проекцию на современность, как ключ к пониманию современности. Это требует от педагога способности балансировать, совмещая научную объективность, патриотическое воспитание и необходимость формировать у учащихся критическое, а не конспирологическое мышление. Задача усложняется тем, что информационная война целенаправленно работает на создание упрощённых, чёрно-белых схем, тогда как задача науки – раскрывать сложность и многомерность исторического процесса.

Наконец, четвёртый вызов имеет двоякую природу. С одной стороны, это насущная необходимость разработки собственных, методологически независимых дидактических подходов в условиях кардинального изменения международного научно-образовательного пространства. С другой стороны, это поиск новых форм и принципов для международного исторического диалога, который должен продолжаться, даже когда традиционные каналы коммуникации сужаются или перестраиваются.

В дополнение к этим вызовам существует проблема в самой системе подготовки историков-исследователей и преподавателей истории. Традиционные университетские программы, сосредото-

ченные на глубоком изучении конкретных исторических эпох, нередко уделяют недостаточное внимание таким междисциплинарным областям, как медиаграмотность, психология информационного влияния, дискурс-анализ и цифровая гуманитаристика.

Молодой исследователь или учитель, выходящий из стен вуза, может блестяще владеть традиционным исследовательским инструментарием (архивной эвристикой, источниковедческим анализом и др.), но оказаться совершенно беспомощным в насыщенной манипулятивными нарративами цифровой среде, где интерпретация прошлого становится предметом сиюминутного политического торга. Следовательно, в рамках формирования новой модели высшего образования принципиально значимой является задача целенаправленного обновления содержания программ. Речь идёт о внедрении специальных курсов и модулей, которые вооружали бы будущих историков инструментарием для профессиональной работы в цифровой среде, насыщенной манипулятивными практиками. Безусловно, это не отказ от фундаментальной подготовки, но её стратегическое усиление новыми, актуальными компетенциями.

Не менее значимый комплекс задач возникает в сфере эффективного присутствия в общественном дискурсе. Информационное противоборство, использующее доступный и эмоциональный язык, делает борьбу за историческую правду вопросом не только науки, но и коммуникации. Академическое сообщество, привыкшее к строгому дискурсу, часто оказывается неконкурентоспособным в этом пространстве и тем самым открывает дорогу псевдоисторическим спекуляциям. Выход видится в стратегическом развитии публичной истории – целенаправленной работе по созданию научно обоснованного, но при этом адаптированного для широкой аудитории контента (документального кино, подкастов,

цифровых платформ). Без этого даже самые глубокие исследования рискуют остаться в узкопрофессиональном кругу, в то время как смысловое пространство будет формироваться другими.

В завершении необходимо обозначить риск, который информационное противостояние порождает внутри самого профессионального сообщества: опасность подмены исследовательской парадигмы логикой политической ангажированности. Под давлением острой общественной полемики возникает соблазн перейти от критического анализа к конструированию «нужной» версии прошлого, поставив сиюминутную идеологическую задачу выше научной истины. Единственной гарантией от этой подмены и основой авторитета исторической науки остаются её имманентные нормы: академическая честность, методологическая дисциплина и интеллектуальная независимость при работе с любым, даже самым идеологически заряженным материалом. Строгое следование этим нормам даже не этический выбор, а профессиональная необходимость – позволяет сохранить доверие к истории как к социальному институту и давать содержательный ответ на вызовы внешней пропаганды, не мимикрируя под её методы.

Таким образом, методологические вызовы, стоящие перед нами, носят системный характер. Они затрагивают основы профессии – от принципов работы с источником до методов передачи знаний новому поколению. Информационная война ставит под удар не только интерпретации прошлого, но и сами основания исторического познания. Для противодействия этому необходима активная, созидательная позиция, выходящая за рамки воспроизводства установившихся нарративов.

Фукс А. Н., Литвинов П. П., Реснянский С. И.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Сталинградская битва – не просто одно из крупнейших сражений Второй мировой войны, но символический рубеж, за которым начался коренной перелом хода всей войны. Победа советских войск под Сталинградом в феврале 1943 г. изменила не только военно-стратегическую обстановку, но и морально-психологический климат всей планеты. Вдохновлённые этой победой антифашистские движения в оккупированных странах активизировались, союзники окончательно убедились в необратимости поражения Германии, а сам нацистский режим впервые столкнулся с масштабным внутренним кризисом. Однако, несмотря на общепризнанное значение этого события, его отражение в школьных учебниках по всему миру сегодня существенно различается и порой доходит до исторических искажений и прямых фальсификаций.

На протяжении всей советской эпохи Сталинградская битва занимала центральное место в школьных учебниках. Она рассматривалась как начало коренного перелома в войне – фраза, ставшая канонической в историографии СССР. В учебниках подробно описывались подвиги конкретных людей – сержанта Якова Павлова, чей дом стал опорным пунктом обороны; снайпера Василия Зайцева, уничтожившего десятки врагов; испанского коммуниста Рубена Ибаррури, погибшего в Сталинграде. Эти примеры несли не просто информационную, но глубокую воспитательную функцию: формирование патриотического сознания, гордости за свою страну и уважения к подвигу предков.

В 1990-е гг. в российском образовании началась эпоха «деидеологизации истории». На деле, однако, это означало не

просто отказ от идеологии, а смену идеологического курса на целенаправленное искажение родной истории. Во многом эта тенденция стала «идеологизацией наизнанку». История стала полем для конкурирующих версий, часто противоречивых и политически ангажированных. Федеральный перечень учебников пополнился сотнями наименований, среди которых встречались и те, что финансировались иностранными фондами. В этом контексте Сталинградская битва перестала быть однозначно признанным поворотным пунктом. Некоторые авторы начали утверждать, что перелом произошёл одновременно на нескольких театрах военных действий: в Северной Африке (Эль-Аламейн), на Тихом океане (Мидуэй) и даже в Атлантике. Объём материала о Сталинграде в учебниках сократился в среднем на 26%, а сама битва часто упоминалась мимоходом, без выделения в отдельный параграф.

Особое беспокойство вызывали учебники, в которых впервые был поднят вопрос о «цене победы» – не как дань памяти павшим, а как критика советского командования. Например, А. А. Кредер, чей учебник финансировался фондом Дж. Сороса, писал о трагических последствиях отказа эвакуировать гражданское население и о якобы имевших место стратегических ошибках. Хотя такие дискуссии в академической науке допустимы, их перенос в школьные учебники без должного контекста и методологической осторожности мог формировать у подростков искажённое представление о войне и подрывать уважение к исторической памяти.

Ситуация начала меняться в 2000-е гг., а особенно резко – после 2010-х. Российское государство вновь осознало важность единой исторической концепции как основы национальной идентичности и безопасности. Была разработана концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, главной задачей которого стало воспитание патриотизма. В этом контексте

Сталинградская битва вновь заняла центральное место. Современные учебники – учебник под редакцией В. Р. Мединского и А. В. Торкунова (2024) – посвящают целый параграф началу коренного перелома. Они подчёркивают мировое значение победы под Сталинградом: «Эхо её прокатилось по всему миру. Во всех оккупированных странах резко усилилось движение Сопротивления». Подвиг героев воспроизводится с деталями, а сама битва представлена как образец массового героизма и единства народа.

Однако за пределами России картина Сталинградской битвы в учебниках чаще всего выглядит иначе. В США ключевым событием Второй мировой войны по-прежнему считается вступление Америки в войну после нападения на Перл-Харбор. Американские учебники часто называют поворотными сражения на Тихом океане – при Гуадалканале и у атолла Мидуэй, где американцы действительно одержали значительные победы. Но при этом роль восточного фронта, а тем более Сталинградской битвы либо игнорируется, либо упоминается вскользь. При этом американские авторы любят оперировать статистикой: «США внесли решающий вклад в победу, поскольку их военная мощь переломила чашу весов». Однако такие утверждения умалчивают о том, что к моменту вступления США в войну СССР уже понёс основной удар и удерживал на себе основные силы вермахта. Более того, потери Советского Союза в войне составили около 27–28 млн человек, тогда как США потеряли около 400 тысяч. Это не просто цифры – это свидетельство масштаба вовлечённости каждой из стран в войну. И если США действительно внесли вклад, то главным бременем борьбы с нацизмом всё же несли на себе советские люди.

Англия, в свою очередь, строит национальный нарратив вокруг битвы при Эль-Аламейне в Северной Африке, где английские войска под командованием генерала Монтгомери одержали победу

над армией Роммеля. В британских учебниках именно это сражение называют «той точкой, с которой начался конец нацизма». Сталинград же, если и упоминается, то исключительно как одно из многих событий, без акцента на его стратегическом значении. Такой подход, конечно, объясним с точки зрения национальной памяти, но он искажает общую картину войны, создавая у школьников впечатление, будто именно западные союзники сыграли главную роль в разгроме Гитлера.

Немецкие учебники, напротив, традиционно более объективны. В них Сталинград часто назван «символом военного перелома». Однако и здесь есть своя специфика: авторы немецких учебников делают акцент не столько на военных действиях, сколько на преступлениях нацистского режима, Холокосте и страданиях гражданского населения. В результате, роль Красной армии в победе признаётся, но подаётся не как ведущая. Более того, даже в Германии наблюдается тенденция к «распылению» значения Сталинграда: его ставят в один ряд с другими событиями 1942–1943 гг., что снижает его уникальность и масштаб. По данным исследования, общий интерес к военной истории в немецких учебниках снизился, и Сталинградская битва постепенно уходит на второй план.

Особенно резкие изменения произошли на Украине. В 1990–2000-е гг. битва под Сталинградом ещё изучалась в рамках курса истории Украины, поскольку связывалась с освобождением украинских земель. Однако в последние годы украинская историческая политика взяла курс на дистанцирование от советского прошлого. В результате материал о Сталинграде был перенесён из национальной истории в курс «зарубежной истории». В современных учебниках, например В. С. Власова, упоминание о битве даётся лишь в связи с освобождением первых украинских сёл, а сама роль СССР в победе над нацизмом сводится

к минимуму. Это не просто педагогический выбор – это политический жест, направленный на формирование новой национальной идентичности, в которой Украина представлена как жертва, а не как субъект общей победы.

Такой подход – перенос ключевых событий собственного прошлого в раздел «зарубежной истории» – нарушает базовый принцип историзма и ведёт к разрыву исторической памяти. Он также способствует формированию у молодёжи искажённого взгляда на войну, в котором подвиг советского народа становится «чужим», а собственная история лишается героического измерения.

В заключение стоит подчеркнуть: история – это не только наука, но и важнейший элемент национального самосознания. Учебник истории – не просто источник знаний, а инструмент формирования мировоззрения. И когда речь идёт о событиях такого масштаба, как Сталинградская битва, искажения, умолчания и идеологические перекосы становятся не просто ошибками, а актами целенаправленной исторической диверсии против мировоззрения подрастающего поколения.

Сталинградская битва – сражение, в котором советский народ, ценой невероятных усилий и жертв, остановил фашизм и положил начало его разгрому. Эта правда должна сохраняться не только в архивах и монографиях, но и в школьных учебниках, в сознании подрастающего поколения. Только помня о подвиге предков, народ может сохранить достоинство, единство и способность защищать свою Родину в будущем.

Бруз В. В., Жириков И. Г., Яровой Е. В.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАПАДНОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Восемьдесят лет отделяют нас от окончания Второй мировой войны. С каждым годом остаётся всё меньше участников и

свидетелей этих героических и трагических событий. Великая Победа сохраняется в народной памяти. На государственном уровне – это ежегодный военный парад, торжественные, праздничные мероприятия, забота и поддержка ветеранов. На личном уровне – это семейная память. Каждый из нас знает, помнит и чтит своих родных и близких, которые на фронте или в тылу, приближали нашу Победу. Практически в каждой семье хранятся и передаются из поколения в поколение фотографии, письма, семейные реликвии, рассказы о том, как это было. Поэтому каждый из нас вправе гордится нашей Великой Победой.

История Второй мировой войны, крупнейшей и самой кровопролитной войны в истории человечества, оказавшей огромное влияние на судьбы народов нашей планеты, на протяжении многих десятилетий привлекает внимание учёных, политических и общественных деятелей, писателей, журналистов, простых граждан во многих странах. Памятные даты, связанные с событиями этой войны, приобретают в последние годы не только историческое, но весьма важное политическое, идеологическое значение.

Великая Победа, одержанная странами антифашистской коалиции над странами оси (Германией, Италией, Японией) и их сателлитами, при решающем вкладе Советского Союза, несомненно, стала событием, имеющим всемирно-историческое значение. В связи с 80-летием Победы появляется большое количество материалов, авторы которых предлагают по-новому взглянуть на историю Второй мировой войны. Само по себе стремление к расширению и углублению исторических знаний, переосмыслению исторических событий, особенно в связи с введением в научный оборот новых, ранее недоступных широкой научной общественности архивных материалов, представляет собой естественный, объективный процесс. Без этого историческая наука не может развиваться.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что западные авторы стремятся навязать своё видение событий Второй мировой войны. По мнению британского историка М. Гастингса, в России отсутствует традиция поиска объективной исторической правды. Почти все важные исследования, касающиеся военного периода, проводятся иностранцами, а не россиянами, которые, ведомые своим президентом, предпочитают замалчивать сталинские годы [1, с. 11]. Поэтому российские историки должны внимать своим западным коллегам, учиться у них «объективной исторической правде». В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в оценочных суждениях, касающихся событий Второй мировой войны, у некоторых российских авторов просматривается общая направленность, выражающая вполне определённую прозападную тенденцию.

Здесь имеет место не просто чьё-то особое мнение, а целенаправленная интерпретация событий Второй мировой войны, сопровождаемая зачастую подтасовкой, искажением фактов, прямой фальсификацией и откровенной ложью. По сути, речь идёт о реализации глобального либерального проекта, одна из важнейших задач которого заключается в том, чтобы пересмотреть историю XX в. с позиций либерализма. Центральное место здесь отводится истории Второй мировой войны. По сути, речь идёт о либеральной концепции Второй мировой войны.

Официально данная концепция не формулировалась, но анализ взглядов, оценок, суждений представителей и сторонников либерализма по ряду вопросов истории Второй мировой войны свидетельствует о том, что существует единая трактовка этих событий, общая точка зрения и руководящая идея для их освещения. Это даёт основание утверждать, что де-факто либеральная концепция существует. Она предполагает радикальный пересмотр истории Второй миро-

вой войны, которая рассматривается как *столкновение либеральных государств с тоталитарными* (к последним, наряду с нацистской Германией и фашистской Италией, отнесён и Советский Союз).

Принципиальными применительно к освещению истории Второй мировой войны представляются основополагающие суждения теоретика либерализма Ф. фон Хайека о том, что мировая война началась с идеологической борьбы между либерализмом и тоталитаризмом в рамках единой европейской цивилизации и переросшей в военный конфликт [2, с. 39]. Ф. фон Хайек утверждал, что тоталитарные режимы Германии, Италии и России – противники государств с традиционными либеральными ценностями, теми ценностями, которые сделали Англию и США странами, где живут независимые и свободные, терпимые и благородные люди [2, с. 39, 209]. Именно как борьбу в защиту этих либеральных ценностей и рассматривают либералы-западники эту войну.

Официальная точка зрения США по этому вопросу прозвучала на пресс-конференции исполнявшего обязанности государственного секретаря США С. Уэллеса 23 июня 1941 г. Было заявлено, что для Соединённых Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры совершенно неприемлемы и чужды американским идеям, как и принципы и доктрины нацистской диктатуры. Однако, по мнению правительства США, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускоряет конец нынешних германских руководителей, и тем самым будет способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня – главная опасность для американского континента¹. Таким образом, США изначально рассматривали

взаимодействие с Советским Союзом как вынужденную меру по принципу – враг моего врага мой друг.

Войну начал тоталитаризм против либерализма

Развивая этот тезис, утверждается о *равной ответственности в развязывании Второй мировой войны тоталитарных режимов гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза*.

Для обоснования этого положения, как правило, приводится договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, известный также как пакт Молотова–Риббентропа, заключённый 23 августа 1939 г. к которому прилагался секретный дополнительный протокол. По мнению либералов-западников, именно этот договор привёл к войне.

Так, например, академик РАН Ю. С. Пивоваров считает, что пактом Молотова–Риббентропа Сталин дал старт Второй мировой войне². Эту точку зрения полностью разделяет американский экономист и писатель Р. М. Эблинг, который утверждает, что совершенно ясно, что Сталин, помогая начать Вторую мировую войну посредством своего пакта с Гитлером, готовился напасть на Германию и начать процесс советизации Европейского континента. Гитлер, руководствуясь собственными агрессивными амбициями, просто нанёс удар первым [3].

В силу политических причин, эта точка зрения находит сегодня отражение в официальных европейских документах. Так, в Резолюции Европейского парламента «О важности сохранения памяти в Европе для будущего Европы» принятой в связи с 80-летием начала Второй мировой войны подчёркивается, что Вторая Мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как

¹ Statement by U.S. Under Secretary of State S. Welles regarding German aggression against the Soviet Union // New York Times. 1941. 24 June.

² Исторический процесс: Великая Отечественная // Правмир: [сайт]. URL: <https://www.pravmir.ru/istoricheskij-process-velikaya-otechestvennaya-tekstvideo/#ixzz3XrogfFRd> (дата обращения: 24.09.2025).

непосредственный результат договора о ненападении от 23 августа 1939 г., также известного как пакт Молотова–Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми 2 тоталитарных режима, разделявших цель мирового завоевания, разделили Европу на 2 зоны влияния¹. Таким образом, на СССР возлагается равная с нацистской Германией ответственность за развязывание Второй мировой войны.

Появление подобных резолюций связано с вполне конкретными политико-идеологическими целями, направленными против России и не имеющими отношение к реальной истории. Более того, именно в европейских странах наблюдается сегодня возрождение неонацизма.

В этой связи представляется вполне справедливым и обоснованным мнение историка и политолога Н. А. Нарочницкой, которая утверждает, что данный договор демонизирован западным мнением и историографией, которые вовсе не обличают западные страны за Мюнхенский сговор и согласие на аншлюс Австрии, которые и были началом гитлеровских захватов и сломом территориального статус-кво. Что касается самого советско-германского договора о ненападении, то в нём вообще не было ничего отличного от типичных договоров всей истории международных отношений. Гитлеровская Германия была всемирно признанным государством, имевшим интенсивные дипломатические отношения, прежде всего, со всеми западными странами [4, с. 80].

К этому времени уже был заключён целый ряд договоров между европейскими странами и Германией. При этом в честь мюнхенского сговора даже была выпущена медаль, на которой были изображены

профили рейхсканцлера Германии А. Гитлера, премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена, премьер-министра Франции Э. Даладье и премьер-министра Италии Б. Муссолини. Представляется весьма символичным изображение на медали этих «миротворцев».

Соглашение предусматривало, что Чехословакия уступит Германии Судетскую область. Польша приняла участие в разделе Чехословакии, оккупировав Тешинскую область. Между польскими и немецкими военными была договорённость о линии демаркации войск в случае вторжения в Чехословакию. Подкарпатская Русь была оккупирована Венгрией.

Эксперт по военной и военно-морской истории, директор музея в Пенсильвании (США) К. Хикман считает, что И. Сталин, на глазах которого западные державы вступали в сговор с целью отдать Чехословакию Гитлеру, беспокоился, что подобное может произойти с Советским Союзом. Сталин вступил в переговоры с Великобританией и Францией о возможном союзе. Летом 1939 г., когда переговоры зашли в тупик, Советы начали переговоры с нацистской Германией о создании пакта о ненападении. Заключительный документ – пакт Молотова–Риббентропа – был подписан 23 августа 1939 г.² Такую точку зрения разделяет и американский профессор Г. Ферр. По его мнению, Советский Союз подписал с Германией пакт о ненападении не для «разделения Польши», как союзники разделили Чехословакию, а для защиты СССР³.

Можно обратиться к воспоминаниям министра внутренних дел США Г. Икеса, который ещё в дни Мюнхена записал в

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 20.09.2025).

² Hickman K. World War II: Causes of Conflict [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thoughtco.com/world-war-ii-road-to-war-2361456> (дата обращения: 16.09.2025).

³ Furr G. Did the Soviet Union Invade Poland in September 1939? The answer: No, it did not... [Электронный ресурс]. URL: <https://espressostalinist.com/2013/11/06/grover-furr-did-the-soviet-union-invade-poland-in-september-1939-the-answer-no-it-did-not/> (дата обращения: 21.09.2025).

своём дневнике, что не удивлён действиями России. Россия подозревала Англию в двойной игре, договариваясь с Германией. По мнению Г. Икеса, Россия права. Англия могла бы давно договориться с Россией, но она бесцельно надеялась, что ей удастся столкнуть Россию и Германию друг с другом, а самой остаться невредимой. Она попала в свои же расставленные сети и утратила симпатии к себе во всём мире [5, с. 16].

Однако исторические факты, мнения государственных деятелей, исследователей, не соответствующие взглядам, оценочным суждениям представителей либерального подхода, игнорируются или фальсифицируются ими.

Никакой Великой Отечественной войны не было

Следующий тезис либеральной концепции касается *войны между Германией и Советским Союзом, которая рассматривается как вооружённая борьба двух тоталитарных режимов за мировое господство*.

Как справедливо отмечает Н. А. Нарочницкая, либералы-западники упорно навязывают нам версию о воевавших 2 идеологических монстрах, равно угрожавших мировой демократии [4, с. 34].

По мнению члена-корреспондента РАН историка А. Н. Сахарова, наряду с традиционной, сегодня существует и иная версия о значительной ответственности советского режима за развязывание войны в рамках реализации концепции мировой революции, подготовки сталинского руководства к превентивной войне против Гитлера. Сегодня, кажется, уже никто не сомневается в наличии у Сталина такого намерения. Яростные споры идут лишь в отношении возможных её сроков [6, с. 18–19]. Видимо, А. Н. Сахаров имеет в виду сторонников либеральной концепции, которые действительно не сомневаются в том, что Сталин готовился к превентивному удару по Германии.

В такой интерпретации война перестаёт быть Отечественной, а значит, у русских в XX в. нет национальной истории, нет легитимной государственности, следовательно, правомерны любые внешние вмешательства и внутренние мятежи, и сепаратизм [4, с. 30].

Это утверждение полностью подтверждается либералами-западниками. С их точки зрения никакой Великой Отечественной войны не было! По мнению руководителя Центра руссиеведения ИНИОН РАН И. И. Глебовой, так называемая Великая Отечественная война, равно как и победа в мировой войне над фашистской Германией, это мифы советской пропаганды, такие же, как миф о священной народной войне. Все эти мифы служат для легитимации системы, созданной Путиным¹. Иными словами, советский период нашей истории, его главные достижения – это мифология. Ничего этого, по мнению либералов-западников, не было!

Оказывается, всё очень просто. Бери пример с западных учителей, как советует британский историк М. Гастингс, и учись «объективной исторической правде». И как видим, у российских сторонников либерализма это хорошо получается. Тем более что и аргументация здесь особо не требуется. Получается ничуть не хуже, чем у П. Хедрука, который в книге «Геноцид в Восточной Пруссии» утверждает, что на 22 июня 1941 г. СССР представлял собой гигантский концлагерь, из-под ворот которого текли реки крови. Нападение Германии остановило процесс истребления русского народа. Истории о будто бы последовавших за этим «фашистских злодеяниях» – обычная чёрная пропаганда. На самом деле немцы обращались с мирным населением весьма цивилизованно, свидетельством чему служат многочисленные воспоминания тех, кто

¹ Российская академия наук в Будапеште: Великая Отечественная война – «так называемая», Победа – «миф» года // Регнум: [сайт]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1415885.html> (дата обращения: 29.09.2025).

в годы войны жил на занятых немцами территориях¹.

Подобная отвратительная, чудовищная лож ничуть не смущает современных российских либералов-западников. Ведь это вполне соответствует либеральному подходу, в соответствии с которым Сталин такой же преступник, как и Гитлер, советский режим не менее, а скорее более преступный, чем гитлеровский.

Так, например, А. Н. Яковлев утверждает, что большевизм и фашизм – 2 стороны одной медали вселенского зла, что преступником был не только Сталин, но и сама система была преступна [7]. Развивая эту мысль, академик РАН Ю. С. Пивоваров приходит к выводу, что решение Нюрнбергского трибунала, вынесшего смертный приговор обвинённому в преступлениях против человечества и мира Риббентропу, косвенно касалось и Молотова (Сталина). Поскольку договариваться о дружбе с преступниками могут только преступники². Таким образом, Ю. С. Пивоваров, по сути, обвиняет советское руководство в преступлениях против человечества и мира и сожалеет, что они не оказались под трибуналом.

Как справедливо утверждает Н. А. Нарочницкая, идея, что СССР в его битве с гитлеровским рейхом был таким же преступным государством, служит изменению смысла войны и праву ревизовать итоги Ялты и Потсдама [4, с. 30]. Это ещё раз подтверждает вывод о том, что речь идёт отнюдь не о безобидном альтернативном подходе к истории Второй мировой войны.

Таким образом, есть основания говорить о существовании либеральной концепции Второй мировой войны, которая основывается на следующих основных постулатах:

¹ Хедрук П. Геноцид в Восточной Пруссии [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RTau4> (дата обращения: 30.09.2025).

² Пивоваров Ю. Пакт Молотова–Риббентропа: О ревизионизме в российском историческом сознании // World Crisis: [сайт]. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3621587> (дата обращения: 25.09.2025).

1. Вторая мировая война началась в рамках единой европейской цивилизации с идеологической борьбы между либерализмом и тоталитаризмом и переросла в военный конфликт; войну начал тоталитаризм против либерализма;

2. тоталитарные режимы Германии, Италии и России – противники государств с традиционными либеральными ценностями – Англии и США. Сотрудничество с СССР – временная, вынужденная мера; тоталитарные режимы гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза равно ответственны в развязывании Второй мировой войны; война между Германией и Советским Союзом – вооружённая борьба 2 тоталитарных режимов за мировое господство;

3. «Великая Отечественная война», «Победа Советского Союза в мировой войне», «священная народная война» – это не более чем мифы советской пропаганды; большевизм и фашизм – одинаково преступные режимы.

Поэтому либеральная концепция Второй мировой войны является серьёзным идеологическим инструментом, методологией в информационной войне, которую ведёт Запад против России, целью которой является уничтожение нашей страны.

Семченко А. А., Золотарёв В. А., Литвинов В. П.

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕЙХСКОМИССАРИАТА УКРАИНА

Немецко-фашистская экспансия радикальным образом повлияла на ситуацию в религиозной сфере на оккупированных территориях. Если политика советской власти исходила из соображений, изложенных в Декрете СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви, то захватчики попытались использовать религиозный фактор в собственных интересах, заключавшихся к приведению и удержанию в покорности населения за-

воёванных областей Советского Союза [8]. «Церковь на Украине может сыграть большую роль в перевоспитании в духе антибольшевизма», – говорилось в составленном в ноябре 1941 г. Докладе по истории создания Украинской автокефальной церкви с рекомендациями немецкому командованию о её запрещении и поддержке Украинской автономной церкви¹.

При этом изначально немцы делали ставку на структуры, которые входили в Русскую православную церковь на территории созданного 20 августа 1941 г. Рейхскомиссариата Украина². Осенью 1941 г. гитлеровцы одобрили создание на территории Рейхскомиссариата автономной Украинской православной церкви (УПЦ), которая сохраняла каноническую связь с Московским патриархатом. Она была создана в соответствии с правом на самоуправление, предоставленным в 1920 г. патриархом Тихоном зарубежным епархиям Русской церкви. Возглавил УПЦ митрополит Алексей (Громадский), получивший титул Экзарха. Примечательно, что именно РПЦ немцы рассматривали как инструмент борьбы с большевиками, все прочие организации, в т. ч. и создаваемые украинскими националистами, считались лояльными советской власти. В докладе немецким властям содержится, в частности, указание, что УАПЦ была создана НКВД для борьбы с православием и ликвидирована после того, как большевики православие победили³.

Поэтому на первом этапе националисты влили свои церковные структуры в автономную церковь. В частности, о своём вхождении в состав УПЦ первоначально в письменной форме уведомил

архиепископ Луцкий и Ковельский Польской православной церкви Поликарп (Сикорский). При этом он (как бывший сотрудник петлюровского министерства вероисповеданий) изначально ориентировался на возрождение Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ). Эта церковь была учреждена бывшими петлюровцами в 1921 г. и ликвидирована по итогам судебного процесса по делу Спілки Визволення України (СВУ) в 1930 г. После ликвидации в СССР, приходы УАПЦ сохранились и продолжили действовать в эмиграции. В частности, в Канаде и США действовала епархия автокефалистов, созданная ещё в 1924 г. специально откомандированным из Киева бывшим винницким епископом автокефалистов Иоанном Теодоровичем.

Кроме того, приходы УАПЦ сохранились в Польше, где они пользовались покровительством предстоятеля Польской православной церкви, Варшавского митрополита Дионисия (Валединского). И именно благодаря поддержке Дионисия Поликарп делает решительные шаги к возрождению УАПЦ: 24 декабря 1941 г. Дионисий назначает Поликарпа временным администратором Православной автокефальной церкви на освобождённых землях Украины. А уже в начале февраля 1942 г. на Соборе в Пинске Дионисий благословил возрождение УАПЦ в Рейхскомиссариате во главе с архиепископом Луцким и Ковельским Поликарпом, который тут же объявил себя главой автокефалии.

При поддержке оккупационных властей и при активном участии украинских националистических организаций УАПЦ менее чем за год распространила своё влияние на всю территорию Рейхскомиссариата, а также на оккупированные территории Украины, которые управлялись военной администрацией⁴.

¹ Доклад по истории создания Украинской Автокефальной Церкви с рекомендациями немецкому командованию о её запрещении и поддержке Украинской Автономной Церкви // ЦГАВОВУ Украины. Ф. 4398. Оп. 1. Д. 3. Л. 13-19 об.; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. С. 535–545.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Акт о признании Украинской Автокефальной Православной Церкви, составленный архиепископом Никанором и епископом Мстиславом. г. Почаев // ЦГАВОВУ Украины. Ф. 4398. Оп. Д. 3. Л. 102. (незаверенная копия).

На территории Украины УАПЦ вос-
становилась в 1942 г. во время немецко-
фашистской оккупации. Методы борьбы
за паству у этой церкви были не менее
жестокими, чем во времена Петлюры.
Церковный историк В. Петрушко в кни-
ге «Автокефалистские расколы на Укра-
ине в постсоветский период 1989–1997»,
которая была опубликована в Москве в
1998 г., пишет о множестве фактов терро-
ра как против священников, так и против
мирян, не пожелавших присоединиться к
УАПЦ [9]. В частности, в мае 1943 г. бо-
евиками УПА на Волини был расстре-
лян автомобиль митрополита Алексия
Громадского, который был главой соз-
данной немцами автономной Украинской
православной церкви. Митрополит по-
гиб. Предстоятели автономной церкви
заявили о причастности к этому убий-
ству архиепископа Поликарпа.

В сентябре 1943 г. бандеровцами был
повешен епископ Владимиро-Волинский
Мануил Тарнавский, перешедший после
принесения покаяния из раскола в авто-
номную церковь. Как пишет церковный
историк В. Пидгайко в статье «Епископ
Владими́ро-Волинский и Ковельский Ма-
нуил (Тарнавский) в истории украинских
церковных разделений 1941–1943 гг.»,
опубликованной в «Вестнике церковной
истории» (в № 3/4, 2010 г.) у Мануила
состоялась беседа с переяславским епи-
скопом УАПЦ Мстиславом Скрипником:
Мстислав убеждал Мануила вернуться
к автокефалистам, в противном случае
угрожал расправой. Через несколько
дней после этого епископ Мануил был
похищен неизвестными людьми прямо
из своей резиденции при Успенском со-
боре во Владимиро-Волинском. Через не-

делю в епархию принесли письмо с тре-
бованием передать 10 тыс. рейхсмарок на
нужды УПА. Деньги выплачены не были.
Приблизительно через месяц после по-
хищения (в октябре или ноябре 1943 г.)
ОУН распространила листовки, сооб-
щив о том, что епископ Мануил за изме-
ну Украине приговорён «полевым судом
украинских повстанцев» к смертной каз-
ни через повешение [10].

После освобождения Украины частя-
ми Красной Армии в 1943–1944 гг. клир
УАПЦ бежал вместе с немцами. Титул
самопровозглашённого патриарха всея
Украины автокефалисты преподнесли
патриарху Польской православной церк-
ви Дионисию Варшавскому. Впрочем,
опасаясь проблем в отношениях с немец-
кими оккупационными властями, Диони-
сий титул не принял. В итоге «немецкие»
автокефалисты добрались до США и Ка-
нады, объединившись там с автокефали-
стами Теодоровича. А уже в 1989 г. они
вновь вернулись на Украину. На этот раз
возглавлял их уже упомянутый митро-
полит Мстислав (Скрипник), который
вступил в союз с новым раскольником –
митрополитом Киевским и всея Украины
РПЦ Филаретом (Денисенко) и создал
Украинскую православную церковь Ки-
евского патриархата.

А сценарии церковного раскола, ис-
пользуемые в годы Великой Отечествен-
ной войны на территории Украины, ра-
зыгрываются и в наши дни, имея свой
целью использовать религиозную тему
как инструмент антирусской пропаган-
ды точно также, как пытались использо-
вать церковь в своей антибольшевицкой
борьбе немцы, оккупировавшие Украину
в 1941–1944 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hastings M. Armageddon: the battle for Germany, 1944–1945. New York, 2004. 773 p.
2. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
3. Ebeling R. M. How Stalin Used Hitler To Start World War II. [Электронный ресурс]. URL: <https://capitalismmagazine.com/2016/05/how-stalin-used-hitler-to-start-world-war-ii/> (дата обращения: 23.09.2025).
4. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Вече, 2016. 128 с.

5. Кулиш В. М. История второго фронта. М.: Наука, 1971. 659 с.
6. История и историки, 2002: Историографический вестник / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука. 2002. 223 с.
7. Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа, Н. Верт, Ж-Л Панне, А.Пачковский,и др. М.: Три века истории, 2001. С 5–32.
8. Семченко А. Четвёртый Рейх. Суд над Сталиным. М.: Тион. 2025. 444 с.
9. Петрушко В.И. Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период 1989–1997. М.: Св.-Тихоновский богословский ин-т, 1998. 254 с.
10. Пидгайко В. Г. Епископ Владимиро-Волынский и Ковельский Мануил (Тарнавский) в истории украинских церковных разделений 1941–1943 годов // Вестник церковной истории. 2010. №3/4. С. 303–322.

REFERENCES

1. Hastings, M. (2004). *Armageddon: the battle for Germany, 1944–1945*. New York.
2. Hayek, F. A. (2005). *The Road to Serfdom*. Moscow: Novoe Izdatelstvo Publ. (in Russ.).
3. Ebeling, R. M. *How Stalin Used Hitler To Start World War II*. Available at: <https://capitalismmagazine.com/2016/05/how-stalin-used-hitler-to-start-world-war-ii/> (accessed: 23.09.2025) (in Russ.)
4. Narochitskaya, N. A. (2016). *For what and with whom we fought*. Moscow: Veche Publ. (in Russ.).
5. Kulish, V. M. (1971). *History of the second front*. Moscow, Nauka Publ. (in Russ.).
6. Sakharov, A. N., ed. (2002). *History and historians, 2002: Historiographic bulletin*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
7. Yakovlev, A. N. (2001). Bolshevism – social disease of the 20th century. In: Courtois, S., Vert, N., Panne, Zh-L., Pachkovsky, A., etc. *Black Book of Communism. Crimes, terror, repression*. Moscow: Tre veka istorii Publ., 5–32 (in Russ.).
8. Semchenko, A. (2025). *Fourth Reich. Stalin trial*. Moscow: Tion Publ. (in Russ.).
9. Petrushko, V. I. (1998). *Autocephalist schisms in Ukraine in the post-Soviet period 1989–1997*. Moscow: Sv.-Tikhonovsky theological institute Publ. (in Russ.).
10. Pidgayko, V. G. (2010). Bishop of Vladimir-Volyn and Kovel Manuel (Tarnavsky) in the history of Ukrainian church divisions of 1941–1943. In: *Bulletin of church history*, №3/4, 303–322 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бруз Владимир Виленович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры государственной и муниципальной службы Государственного университета просвещения;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Жириков Иван Георгиевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: 79168497010@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5333-5398

Золотарёв Владимир Антонович (г. Москва) – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской академии естественных наук, председатель Секции Военной истории и теории РАЕН, действительный государственный советник РФ I класса;
e-mail: m-s-pol@yandex.ru

Ковригин Вадим Валерьевич (г. Москва) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;
e-mail: letter@vkvovrigin.ru

Лескова Ирина Валерьевна (г. Москва) – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Литвинов Владимир Петрович (г. Елец) – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина;
e-mail: vladlenli@yandex.ru

Литвинов Пётр Петрович (г. Елец) – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Реснянский Сергей Иванович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: resnyanskiy_si@rudn.ru

Семченко Александр Анатольевич (г. Москва) – доктор политических наук, профессор кафедры развития просветительской деятельности всероссийского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: Cfifc@ya.ru

Фукс Александр Николаевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9726-7696

Яровой Евгений Васильевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru; ORCID: 0009-0009-6101-2498

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Bruz (Moscow) – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Prof., Department of State and Municipal Management, Federal State University of Education;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Ivan G. Zhiryakov (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, Federal State University of Education;
e-mail: 79168497010@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5333-5398

Vladimir A. Zolotarev – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Prof., Vice-President of the Russian Academy of Natural Sciences, Chairman of the Section of Military History and Theory of the Russian Academy of Natural Sciences, Current State Advisor to the Russian Federation, Class I;
e-mail: m-s-pol@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin (Moscow) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History and Political Science, Federal State University of Education;
e-mail: letter@vkvovrigin.ru

Irina V. Leskova (Moscow) – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Departmentally Head, Department of the Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Vladimir P. Litvinov – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Chair of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin;
e-mail: vladlenli@yandex.ru

Petr P. Litvinov (Yelets) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Sergey I. Resnyansky (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Alexander A. Semchenko (Moscow) – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of the Development of Educational Activities of the All-Russian Society of Knowledge, Federal State University of Education; e-mail: Cfifc@ya.ru

Alexander N. Fuks (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Departmentally Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education; e-mail: anfyks20@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9726-7696

Evgeny V. Yarovoy (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education; e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru; ORCID: 0009-0009-6101-2498